

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2945](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2945)

О.А. Парфенова, И.С. Петухова

ЧТО ЗНАЧИТ СТАРЕТЬ И БЫТЬ СТАРЫМ/ПОЖИЛЫМ? САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЯН ПОСЛЕ 60 ЛЕТ

Правильная ссылка на статью:

Парфенова О. А., Петухова И. С. Что значит стареть и быть старым/пожилым? Самоидентификация россиян после 60 лет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 3—27. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2945>.

For citation:

Parfenova O. A., Petukhova I. S. (2025) What Does It Mean to Age and Be Old/Elderly? Self-Identification of Russians After 60. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 3–27. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2945>. (In Russ.)

Получено: 17.03.2025. Принято к публикации: 15.07.2025.

ЧТО ЗНАЧИТ СТАРЕТЬ И БЫТЬ СТАРЫМ/ПОЖИЛЫМ? САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЯН ПОСЛЕ 60 ЛЕТ

ПАРФЕНОВА Оксана Анатольевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: oparfenova2023@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6187-7947>

ПЕТУХОВА Ирина Сергеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; доцент, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

E-MAIL: irini-ptz@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5218-6658>

Аннотация. Статья посвящена субъективному восприятию старения и возрастной идентичности в старшем возрасте. Основные вопросы исследования: как информанты 60+ определяют для себя, что значит быть пожилым и стареть? С чем для них сопряжено старение и как оно влияет на их идентичность и социальные роли? Авторы используют перспективу жизненного пути, которая рассматривает биографию как динамичный процесс, формируемый индивидуальными решениями, социокультурным и историческим контекстами. Анализ опирается на социологические теории идентичности. Эмпирическую базу составили полуструктурированные интервью ($N=31$).

Анализ показал, что россияне воспринимают старение как неизбежный биологический процесс, часто ассоциирующийся с утратой здоровья, неопрятным внешним видом и потерей интереса к жизни. Признавая преимущества позднего периода жизни (накопленный опыт, свободное време-

WHAT DOES IT MEAN TO AGE AND BE OLD/ELDERLY? SELF-IDENTIFICATION OF RUSSIANS AFTER 60

Oksana A. PARFENOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher
 E-MAIL: oparfenova2023@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6187-7947>

Irina S. PETUKHOVA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher; Associated Professor
 E-MAIL: irini-ptz@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5218-6658>

¹ Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

² Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Abstract. The article regards subjective perception of aging and age identity in older ages. The main research questions are: how do people define for themselves what it means to be elderly and to age? What does aging entail for them and how does it affect their identity and social roles? The authors use a life course perspective, which considers biography as a dynamic process shaped by individual decisions, sociocultural and historical contexts. The analysis is based on sociological theories of identity. The empirical base was formed by semi-structured interviews ($N=31$).

The analysis showed that Russians perceive aging as an inevitable biological process, often associated with loss of health, unkempt appearance and loss of interest in life. While recognizing the advantages of later life (accumulated experience, free time, relaxation, etc.), informants nevertheless try to distance themselves from their own definitions of old age and avoid identifying themselves as “elderly”. Instead, they emphasize the desire for an active

мя, расслабленность и т.п), информанты тем не менее стараются дистанцироваться от собственных определений старости и избегают идентификации себя как «пожилых». Вместо этого они подчеркивают стремление к активному образу жизни и автономии, адаптацию к изменению внутрисемейных ролей. Старение в нарративах процессуально и подвижно — на него можно влиять через доступ к технологиям, медицине, занятость и активное потребление, что позволяет «отложить» его проявления как в биологическом, так и в социальном смысле.

Центральным становится понятие «субъективного возраста»: люди часто чувствуют себя моложе своего хронологического возраста и «отодвигают» старение через достижения и социальную активность. При этом работающие информанты воспринимают старение как постепенный процесс и считают занятость важным условием для поддержания жизненного тонуса и перспектив. Неработающие склонны видеть старение более негативно, ассоциируя его с немощностью, зависимостью и потерей интереса к жизни, а выход на пенсию с границей между «нестаростью» и старостью.

Исследование позволяет вписать старение современных россиян в более широкий контекст постмодернистских обществ. Мы можем наблюдать сдвиг парадигмы восприятия пожилого от немощного к активному и потребляющему, позволяющему себе стиль жизни, свойственный более молодому поколению.

Ключевые слова: старший возраст, старение, жизненный путь, самоидентификация в старшем возрасте, культурная геронтология, социология возраста, отложенное старение

lifestyle and autonomy, adaptation to changing intra-family roles. Aging in the narratives is processual and fluid; it can be influenced through access to technology, medicine, employment and active consumption, which allows you to «postpone» its manifestations in both the biological and social sense.

The concept of subjective age becomes central: people often feel younger than their chronological age and «push back» aging through achievements and social activity. At the same time, those who work perceive aging as a gradual process and consider employment an important condition for maintaining vitality and prospects. The unemployed tend to see aging more negatively, associating it with infirmity, dependence and loss of interest in life, and retirement with the border between «non-aging» and old age.

The study allows us to fit the aging of modern Russians into the broader context of postmodern societies. We can observe a paradigm shift in the perception of the elderly from frail to active and consuming, allowing themselves a lifestyle typical of the younger generation.

Keywords: older age, ageing, life course, self-identification in older age, cultural gerontology, sociology of aging, delayed aging

Введение

Возрастные границы становятся все более размытыми и подвижными. Хотя ВОЗ по-прежнему считает пожилыми людей, начиная с 60 лет, сама же организация настаивает на гетерогенности этой группы, отмечая, что люди в 80 лет могут существенно различаться по своим способностям и потребностям и нет единого «среднего» портрета пожилого¹. По всем прогнозам, доля пожилых граждан в общей численности населения мира будет неуклонно расти. Несмотря на динамику современного общества [Бауман, 2008], пожилые люди зачастую отождествляются с пенсионерами и оказываются на периферии социальной жизни [Левинсон, 2011; Григорьева, 2022]. Отношение к старости на общественном уровне амбивалентно. На индивидуальном уровне большинство людей декларируют уважительное отношение к пожилым — своим родственникам, знакомым, соседям («старших надо уважать»), пожилой человек воспринимается как источник мудрости и опыта. Однако в общественном дискурсе старость часто ассоциируется с болезнями, беспомощностью и одиночеством, а пожилые воспринимаются как носители этих проблем²³. Общественные представления о старости и пожилом возрасте влияют на восприятие пожилыми людьми себя и своего возраста, формируя их самоидентификацию в социальном контексте, а проблема нормативности старости и старения сегодня актуальна как никогда [Богданова, Зеликова, 2020], хотя и имеет выраженные региональные различия.

В современных исследованиях старения в США и Великобритании привычные классовые, гендерные, расовые и этнические различия активно дополняются категориями потребления, идентичности и образа жизни в позднем возрасте и в целом интерсекциональным подходом, формируя более современную аналитическую рамку [Gilleard, Higgs, 2020]. Такой подход — следствие культурного поворота в социальных науках [Nash, 2001], он вносит вклад в развитие культурной геронтологии, пришедшей на смену критической [Twigg, Martin, 2015]. Старение в России, как и в развитых странах, не просто социально и культурно обусловленный процесс, оно активно конструируется самими индивидами [Григорьева, Парфенова, Галкин, 2023]. Старение переживается как на индивидуальном уровне, так и во взаимодействии с представителями своей и других социально-возрастных групп. Однако сегодняшний индивидуальный опыт многообразен даже в пределах одной социально-возрастной группы [Eckert, 2017]. Для современного общества в целом характерен сдвиг от коллективных форм существования к индивидуальным, что подчеркивает процессуальный характер личной биографии и адаптацию индивида к неопределенности и множественности контекстов [Rosenthal, 2006].

Тем не менее попытки нащупать границы и определить критерии старости и старения предпринимаются представителями разных наук, в том числе социальных. Социологические опросы демонстрируют, что, по мнению респондентов, сред-

¹ Ageing and Health. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения: 19.08.2025).

² Смолькин А. Общество и возрастные стереотипы // Постнаука. URL: <https://www.yandex.ru/video/preview/14802422374140905569> (дата обращения: 19.08.2025).

³ Счастье «третьего возраста»: вызовы и новые смыслы жизни старших россиян // ВЦИОМ. 2023. 15 августа. URL: <https://wciom.ru/expertise/schaste-tretego-vozrasta-vyzovy-i-novye-smysly-zhizni-starshikh-rossijan> (дата обращения: 19.08.2025).

ний возраст наступления старости составляет 70,7 лет, при этом наблюдается тенденция к его увеличению [Антонов и др., 2023]. При этом чем старше респонденты, тем выше для них возраст начала «старости» [Левинсон, 2011]. Финские исследователи на основе лонгитюдного исследования, в котором интервьюировались непосредственно пожилые с повтором через несколько лет, вывели «формулу старости»: 85-летний возраст, утрата функциональности и мобильности (использование специальных приспособлений), ухудшение памяти [Heikkinen, 2000]. Старость фрагментируется — третий возраст в современных обществах предполагает отрицание старости, а для четвертого возраста (80+) существует яркая метафора «черной дыры», он сопряжен с институциональной заботой и утратой агентности [Gilleard, Higgs, 2010]. Критика «активного» и «успешного» старения состоит в том, что вся активность и успешность уготованы и в какой-то мере предписаны людям третьего возраста, игнорируя потребности и возможности тех, кто находится в четвертом возрасте. К последним вполне применимы метафора социальной смерти и проблема утраты достоинства [Lloyd et al., 2014].

Мы в своем исследовании используем не только понятия «старость», «старение», «старый человек», но и более широко употребимые в российском контексте «пожилой возраст» и «пожилой человек» как раз ввиду их большей распространенности и кажущейся нейтральности. Нейтральны ли они в глазах тех, кого принято называть пожилыми? В этой статье мы отвечаем на следующие вопросы: что для людей старше 60 означает быть пожилым или старым? С какими характеристиками и событиями для них сопряжено старение? Идентифицируют ли наши информанты себя как пожилых или как-то иначе?

Жизненный путь и меняющаяся идентичность

В основе нашего исследования лежит перспектива жизненного пути (*life course approach*), позволяющая рассматривать личную биографию как динамичный процесс и анализировать множественность и фрагментированность жизненных траекторий в эпоху поздней современности [Blossfeld et al., 2015; Elder, 1975; Kohli, 2007; Ежов, 2005; Тыканова, Хохлова, 2016]. Для постмодерна характерен отказ от универсальных дискурсов и фиксированных норм, что обуславливает признание относительности ценностей, а значит — изменчивость и нестабильность, не-предсказуемость индивидуальных жизненных траекторий. В этом контексте жизненный путь человека становится не статичным, а процессуальным, открытым для изменений и переосмыслений. Демографические, экономические и социальные изменения диверсифицируют временные рамки жизни, размывая представления о границах ее этапов и усложняя социальные ожидания относительно того, какие события и роли соответствуют определенным возрастным этапам [Marini, 1984; Henretta, 2003]. Социальные и культурные условия создают широкий спектр альтернативных стратегий и моделей жизни, между которыми индивид вынужден выбирать, находясь в ограниченном, но меняющемся поле [Rosenthal, 2006].

Перспектива жизненного пути обеспечивает теоретическую основу для изучения возрастной идентичности, поскольку сфокусирована на том, как каждое биографическое событие встроено в контекст жизненных траекторий человека [Elder, 1994; Marshall, Muller, 2003]. В постмодернистской парадигме этот подход

особенно актуален, поскольку позволяет анализировать сложность, неоднородность и изменчивость жизненных сценариев, учитывая индивидуальные выборы и жизненные обстоятельства, согласно которым люди строят планы и принимают решения [McMullin, Marshall, 1999; Settersten, 2003; Settersten, 2018]. В свою очередь, те или иные личные выборы формируют дальнейшие жизненные обстоятельства, поэтому наша жизненная траектория является результатом наших решений [Crockett, 2002]. Эти решения принимаются не только вследствие индивидуальных ожиданий, которые человек имеет в определенном возрасте, но и под влиянием общественных, экономических и культурных ожиданий, а также исторического времени и места, в котором они происходят [Giele, Elder, 1998]. Например, на карьерную траекторию женщин и их вовлеченность в рынок труда помимо личного выбора и культурных факторов серьезное влияние оказывают тип государственной социальной политики и, как следствие, тип государства благосостояния [Lyberaki, Tinios, Papadoudis, 2013]. Иными словами, формирование жизненных путей индивидов зависит и от личных решений и выборов, и от внешних объективных условий [Тыканова, Хохлова, 2016].

Возрастная идентичность индивида и приписываемые ей общественные ожидания меняются на протяжении жизненного пути. Мы рассматриваем возрастную идентичность как «субъективное чувство индивида своей собственной ситуации, приобретаемое им в результате своего различного социального опыта» [Goffman, 1963: 105]. Рассматривая идентичность в условиях множественности социальных ролей, Гофман выделяет три вида идентичности: социальную, личную и Я-идентичность [*ibid.*]. Опираясь на идеи Гофмана, Линда Джордж предложила семантически дифференцировать возрастные категории, дав респондентам возможность не просто отнести себя к той или иной возрастной группе, а сначала описать себя с помощью прилагательных и затем наделить абстрактного представителя каждой возрастной группы подходящими характеристиками, выбирая из противоположных («активный» — «пассивный», «счастливый» — «несчастный» и т. д.). Это позволило выявить более сложную самоидентификацию в сравнении с однокомпонентным индикатором, при котором человек причислял себя к той или иной группе в зависимости от своего хронологического возраста [George, Mutran, Pennypacker, 1980]. Являясь членом той или иной социальной группы «люди черпают свою идентичность», исходя из принадлежности к социальной группе [Abrams, Hogg, 2006], однако каждый человек на протяжении жизни входит в самые разные социальные группы, следовательно, набор социальных идентичностей, составляющих личность, уникален [Stets, Burke, 2000]. Социологический подход к изучению «Я» (*self*) и идентичности состоит в признании взаимосвязи между обществом и личностью — «Я» формируется в процессе социального взаимодействия и отражает структуру общества, которое, в свою очередь, создается через взаимодействие индивидов [Stets, Burke, 2003]. Люди стремятся подтвердить свою идентичность через действия, соответствующие их ролям. Важное свойство идентичности — категоризация себя как играющего социальную роль и включение в свою идентичность значений и ожиданий, связанных с этой ролью и ее исполнением [*ibid.*]. Возраст в этом смысле является значимым параметром при соотнесении себя с той или иной социальной ролью. Крисс Гил-

лард анализирует возрастную идентичность (чувствуемый и осознаваемый возраст) как компонент социальной идентичности. Автор разводит принципиально разные, с его точки зрения, компоненты самоидентификации: а) индивидуальный опыт (*me-experience*) — формирование идентичности под влиянием социальных, культурных и других обстоятельств и б) самокатегоризация (*self-categorisation*) — отнесение себя к той или иной социально-возрастной группе [Gilleard, 2022]. В данном случае именно самокатегоризация является определяющей в осознании индивидом своего опыта. При этом возраст представляет собой социально-опосредованную категорию, то есть возрастное самоопределение происходит под влиянием социальных и культурных факторов, общественных ожиданий и взаимодействий [Лаз, 2019; Gilleard, 2022]. Как компонент социальной идентичности возраст имеет три измерения: во-первых, он служит документальной записью вне зависимости от того, что человек может чувствовать или думать о себе; во-вторых, возраст служит «якорным повествованием», встроенным в запоминаемые и ожидаемые даты, события и отношения; наконец, он выступает только одной гранью социальной идентичности человека — наряду с другими, более для него важными и/или осознаваемыми [Gilleard, 2022]. При этом, в отличие от других более стабильных социальных идентичностей (пола, расы, сексуальной ориентации) возрастная субъективность текучая и изменчива, то есть возраст меняет свое значение даже в течение относительно коротких промежутков времени [Hughes, Geraci, De Forrest, 2013; Kotter-Grühn, Kornadt, Stephan, 2015]: происходят физиологические изменения, восприятие возраста зависит от культурных и социальных факторов, меняются сами «цифры возраста» и его восприятие.

Зарубежные и отечественные авторы отмечают доминирование в обществе молодости и молодежной культуры [Fealy, McNamara, Treacy, 2009; Шмерлина, 2016], проявляющейся в стремлении соответствовать стандартам, ценностям и образам, в том числе телесным, сформированным характерной для молодежи культурой потребления. Это непосредственно отражается на восприятии социально-возрастной группы пожилых и их представлениях о самих себе. Негативное отношение к старению и пожилым способствует тому, что человек будет стремиться отказаться от идентификации себя как пожилого/старого [Chonody, Teater, 2016; Елютина, 2023]. Возрастная идентичность двусторонняя: человек может чувствовать, что принадлежит к тому поколению, к которому реально принадлежит, однако он может позиционировать себя вне социально-возрастной группы, чтобы избежать негативного восприятия и отношения со стороны других возрастных групп [Weiss, Lang, 2012; Weiss, 2014]. В западном обществе быть старым по определению значит быть больным, в результате «основной проблемой старшего возраста становится не ухудшение здоровья, сокращение социальных связей и потеря близких людей, а способ осмыслиения этих перемен» [Рогозин, 2012: 65]. Однако дискурсивные конструкции идентичности в старости, часто связанные с использованием медицинских и социальных услуг, то есть идентичностями болезни и зависимости, на деле не являются ни естественными, ни очевидными [Ainsworth, Hardy, 2007].

Дискурсивные конструкции возрастной идентичности создаются на пересечении с другими идентичностями, такими как пол, раса, профессиональный статус и пр.,

и определенные идентичности выходят на первый план, так что одна идентичность становится для индивида более важной, чем другая [ibid.]. Так, возрастная идентичность может выходить на первый план при «взрастных щелчках» — напоминаниях, в каких обстоятельствах нам и другим необходимо вести себя по возрасту [Лаз, 2019]. Переходы на протяжении жизни из одной социально-взрастной группы в другую порождают новую взрастную идентичность в соответствии с «правилами» и «характеристиками» новой социальной группы [Montepare, 2009]. По мере того как люди проходят свой жизненный путь, они могут переосмысливать свои взгляды на старение в позитивном ключе. Ожидания индивидов о том, что старость сопряжена преимущественно с утратами и болезнями, как правило, не подтверждаются в более позднем возрасте [Kaufman, Elder, 2002].

Субъективное старение — это обобщающее понятие, оно включает в себя само восприятие старения (как люди переживают процесс своего старения), стереотипы о старости (убеждения о типичных характеристиках пожилых людей), взрастную идентичность (определение себя по взрастной группе), осознание изменений, связанных с возрастом (изменения в опыте, которые повышают осведомленность о старении), субъективный возраст (насколько старым человек себя воспринимает) [Kotter-Grühn et al., 2015]. Взрастная идентичность — это не объект ранее существовавшей реальности, а опыт индивида в этой реальности [Carr, 2016: 174]. Один из примеров изучения взрастной идентичности с помощью феноменологии связан с телесностью. Тело в контексте старения начало интересовать исследователей в 1960-е годы, когда сам процесс старения уже воспринимался не как сугубо биологический процесс, а как социокультурный, и тело стало своего рода «полем битвы», поскольку представления о старости и телесных изменениях формируются во многом благодаря медиа [Gilleard, Higgs, 2014]. Тело является центром выполняемых действий, а также оно подвержено влиянию правил внешнего мира [Bullington, 2006]. Изменения взрастной идентичности в старшем возрасте связаны с ежедневными телесными проблемами, предыдущими операциями, лекарствами и вспомогательными инструментами [Barrett, Gumber, 2020]. Эмпирические исследования старения с акцентом на телесный опыт позволяют понять, как происходит старение в реальной жизни, каковы потребности и проблемы стареющих людей. Российские авторы, исследующие старение с перспективы телесности, акцентируют внимание на важности физической активности, гигиены и интимной жизни для качества жизни в старшем возрасте, критикуя объективацию и медикализацию, присущие доминирующему дискурсу о стареющем теле [Рогоzin, 2018]. Интимность, сексуальность и телесность в старшем возрасте попадают в зону дискурсивного контроля: пожилым зачастую отказывается в активности в этих сферах, а старение современных россиян анализируется в категориях «снижения» — утраты активности и прав с последующим воспроизведением самодискриминации и эйджизма [Зеликова, 2018, 2020].

В нашей работе мы попытаемся показать, какое место отводится старению в рамках жизненного пути, с чем оно сопряжено, по мнению наших информантов, находящихся на этом жизненном этапе, и какова их самоидентификация в позднем периоде жизни. Новизна нашего исследования заключается в том, что мы анализируем поздний период жизни из перспективы жизненного пути, выявляя

с помощью информантов ключевые события, характеристики и смыслы, формирующие образы пожилых людей и старения как процесса в современной России.

Материалы и методы

Исследование выполнено с помощью качественной методологии. Основной метод сбора данных — полуструктурированное глубинное интервью с элементами биографического ($N = 31$). Все интервью были взяты лично. Мы постарались получить развернутые нарративы о старении и старости, о том, как можно предотвратить или отложить старение (и стоит ли это делать), что значит быть пожилым или старым человеком и о том, как ощущают свой возраст наши информанты. Выбор информантов обусловлен наличием доступа в поле. Нас интересовали как работающие, так и неработающие пожилые, имеющие разный уровень образования и географию проживания. Городские жители из Санкт-Петербурга, Казани и Петрозаводска, сельские — из поселков республики Карелия. Информанты выбирались исходя из доступности, готовности к интервью и релевантности их опыта. Гендерное соотношение информантов примерно 1:3, поскольку женщины чаще представлены в старших возрастных группах, а также они охотнее соглашаются на интервью. Распределение информантов по полу, занятости, возрасту, образованию и месту проживания представлено в Приложении. Параметр трудовой занятости позволил сравнить между собой две почти равные по количеству информантов группы в зависимости от их (не)участия в рынке труда.

В гайде для интервью блок «Восприятие возраста и отложенного старения» включал в себя вопросы о том, как информанты определяют старость и пожилого человека, преимущества и недостатки позднего периода жизни, оценивают свой возраст и себя как пожилого, связывают старость с социальной активностью, занятостью и здоровьем. Таким образом, разработанные на основе теоретического анализа эмпирические маркеры «пожилой возраст», «граница старости», «самоидентификация» и др. были включены в программу исследования.

Транскрипты интервью анализировались с помощью тематического анализа [Braun, Clarke, 2006]. Для обработки интервью применялась программа QDA Miner (в версии Light). На первом этапе был сформирован предварительный перечень кодов, в котором был выделен отдельный раздел «Восприятие возраста и отложенного старения», — впоследствии он уточнялся и дорабатывался на основе пробного кодирования. В итоге в разделе содержалось 12 кодов (например, «Способы отодвинуть старение», «Недостатки позднего периода жизни», «определение старости» и т. д.). На втором этапе кодировался весь массив интервью. На третьем этапе по признаку смысловой близости коды были сгруппированы в тематические блоки: образ пожилого и самоидентификация, занятость и старение, старение как утрата здоровья, старение в эпоху постmodерна, старение и семья/межпоколенные отношения. Использование QDA-Miner Light позволило не только оформить коды, но и отследить разницу в соотношении высказываний по разным тематическим блокам по задаваемым параметрам. В качестве вспомогательного инструмента анализа нами использовалась нейросеть Perplexity. В нее были загружены выделенные с помощью QDA-Miner фрагменты интервью по соответствующему разделу и сформирован промт в соответствии с целями иссле-

дования. Также авторами вручную анализировались полные массивы интервью, что оказалось более точным методом. Применение нейросети позволило сравнить два массива фрагментов (работающих и неработающих) и обнаружить некоторую разницу в коннотациях при описании старения как процесса.

Результаты исследования

Самоидентификация и образ пожилого

Наши информанты не имеют единого представления о том, когда начинается старость. Некоторые связывают начало старости с выходом на пенсию, другие определяют старость через субъективное ощущение и самовосприятие. Как правило, они отмечают, что чувствуют себя моложе своего возраста, часто не задумываются о хронологическом возрасте, но в рефлексиях о нем упоминают «возрастные щелчки» и пережитые события.

Бывает, живешь, живешь, вроде ты этот возраст не чувствуешь, не ощущаешь. Когда вдруг во время разговора бывает такое: опа, а это столько времени уже прошло, как я живу. Потому что 90-й год вспоминают. В это время ты же уже жила. Причем осознанно жила. Потому что я помню эти карточки, я помню страшные 90-е бандитские годы. <...> Вспоминаешь о возрасте, когда ты понимаешь, что ты слишком много знаешь, был очевидцем слишком многих событий. (Женщина, 63 года, работает)

Некоторые определяют возрастные изменения, неуклонное движение по линии жизни через изменения близких, знакомых, известных людей.

Все равно люди меняются. Сейчас смотришь на артистов. Молодой красивый такой был. И вдруг смотришь на него так близко в каком-то фильме, много ему грима не наделали. Когда, вот смотрю на Газманова — постарел. Помнишь, когда он прыгал по сцене с шинелью, — и сейчас. Или Леонид Агутин мне очень нравится, босоногий мальчик с этими кудрями. И сейчас. Что-то все равно происходит с человеком. Не можем мы быть такими, как в 18—20 лет были. Все равно другие. Даже своих учеников я встречаю. Я так смотрю на них: да, повзрослели, повзрослели. (Женщина, 69 лет, не работает)

Информанты отмечают, что с возрастом происходит переосмысление событий и жизни, к кому-то приходит понимание того, что не понимали раньше, появляется новый взгляд на былые трудности, на себя в прошлом.

Понимаете, с возрастом все же меняется. И отношение к жизни меняется. И отношение к общению. И отношение к деньгам, как бы это ни звучало странно, ко всему. И приоритеты пересматриваются. И найти вот эту гармонию, как бы правильно выразиться, между своим возрастом, своим статусом и своим самочувствием — это самое главное. (Женщина, 68 лет, не работает)

Эмоциональное восприятие старения у информантов также не статичное. С течением времени многие учатся принимать изменения, связанные с возрастом и старением. Некоторые информанты отмечают, что с возрастом их эмоциональ-

ные реакции на жизненные события стали более сбалансированными. Многие научились больше ценить текущий момент, что приводит к более позитивному и эмоциональному состоянию.

В интервью прослеживаются как позитивные, так и негативные коннотации старения. Позитивные связаны с удовлетворением от прожитой жизни и накопленного опыта, спокойствием и умиротворением, приходящими с возрастом, с радостью от возможности заниматься любимыми делами и проводить время с близкими. В этом прослеживается и снижение институционального давления, что отмечают также эксперты, работающие со старшим населением [Петухова, 2025].

Больше времени для себя, для того чтобы заняться каким-то хобби своим любимым. Кто-то любит рисовать, кто-то — читать, перечитывать книги, кто-то любит вязать,ходить в музей, путешествовать, если есть на это силы и финансовая возможность. Поэтому с этой точки зрения, конечно, уже находясь на пенсии, люди раскрепощаются. Они предоставлены сами себе. (Женщина, 69 лет, не работает)

Спектр негативных эмоций связан со страхом и тревогой перед ухудшением здоровья и потерей самостоятельности, грустью из-за утраты прежних возможностей и изменения социального статуса. Амбивалентные эмоции — это ностальгия от воспоминаний о прошлом, принятие неизбежности старения и стремление сохранить активность.

В ответ на просьбу описать, кто такой пожилой человек: как он выглядит, во что одет и т. п., — информанты описывают образ пожилого через негативные эпитеты, такие как «немощный», «старый», «больной». Пожилые, по их мнению, зачастую безразличны к своему внешнему виду, прическе.

На лице же написано, написано на одежде. Если идет бабушка такая в каких-то непонятных... Не хочу сказать тряпках. Но понятно, что она на себя уже совсем не обращает внимания. Это уже старость, древняя, глубокая я бы сказала. А пока еще хочется колготки носить. Косметический кабинет хотелось бы посещать, но не позволяют финансы. А так бы я с удовольствием ходила. (Женщина, 74 года, не работает)

Материальными атрибутами старых или пожилых людей, по мнению информантов, зачастую являются скандинавские палки, тележка для продуктов. Такие люди вызывают желание уступать им место в общественном транспорте. При ответе на прямой вопрос вместо слова «пожилой» применительно к себе информанты предпочитают подобрать синоним, например «зрелая». Определять себя как «пожилого» или тем более «старого» отказываются.

И.: Как вы считаете, вас можно назвать пожилой или какое-то другое определение?
 Р.: Уласи боже. Мы даже с Танькой в день пожилых людей. Мне звонят, дети даже уже знают, маму надо поздравить, но не называть пожилыми людьми. Я говорю, что я еще до этого возраста не дожила. Сестра: ты же уже старая, тебе 70 лет скоро будет. Ну и что? Я не ощущаю себя старой. Я не хочу, чтобы пожилая, еще что-то. Нет, я себя не ощущаю. (Женщина, 69 лет, не работает)

Таким образом, сами информанты старшего возраста демонстрируют амбивалентное отношение к старости как этапу жизни, замечая его положительные и отрицательные стороны, но при этом наделяют негативными характеристиками пожилых как социально-возрастную группу, отказываясь причислять себя к ней. Также мы обнаруживаем различие в восприятии старения среди двух разных групп информантов — работающих и ушедших с рынка труда. Этому посвящен следующий параграф.

Трудовая занятость и старение

В ходе анализа интервью мы сравнивали между собой взгляды работающих и неработающих информантов на старение, поскольку, на наш взгляд, участие в рынке труда дифференцирует группы по уровню социальной включенности и активности. Работающие пожилые рассматривают старение как постепенный процесс, сопровождающийся ухудшением здоровья и снижением активности. Они подчеркивают важность сохранения активности и интереса к жизни и часто связывают старение с выходом на пенсию и прекращением трудовой деятельности. В представлениях работающих занятость — это жизненный тонус, его важно сохранять, по крайней мере частично или символически. Если не работать, то важно быть вовлеченным в домашние дела.

Ни в коем случае не расслабляться, а работать дальше. Может быть, с другой степенью нагрузки, но все время иметь какую-то заботу. Если у человека нет заботы, ему нечего делать. Утром встал, пошел, позавтракал. Опять лег. Вот этого делать нельзя. Нужны все время какие-то заботы человеку. Даже если он не работает официально, дома какой-то деятельностью заниматься. Тогда он отодвигает свое время. У него есть в плане какая-то перспектива. Что-то он еще хочет сделать. И мозг начинает реагировать на это. Я думаю, это правильно. (Мужчина, 77 лет, работает)

Выход на пенсию в представлениях информантов выступает своего рода границей между «старостью» и «нестаростью».

Выход на пенсию как граница старости: ну, как бы, пенсия — это уже старость. И когда ты выходишь на нее, на эту пенсию, ты чувствуешь, что ты нужна только детям, вот, а больше... (Женщина, 64 года, не работает)

Таким образом, те, кто не выходят на пенсию и продолжают свою трудовую деятельность, подспудно отказываются причислять себя к тем, кто стал старым.

Неработающие информанты воспринимают старение более негативно, часто ассоциируя его с немощностью и зависимостью. Они также ассоциируют пожилой возраст и начало старения с выходом на пенсию. Информанты отмечают изменения в характере и привычках с возрастом и больше внимания уделяют физическим проявлениям старения. При этом употреблять по отношению к себе слово «пожилой», как было показано выше, не соглашаются. Если сравнивать в целом восприятие старения, то у работающих информантов оно позитивнее и связывается с накоплением мудрости и опыта. У неработающих старение больше ассо-

цируется с потерей интереса к жизни и одиночеством. Здесь важно отметить, что группа неработающих информантов в среднем 75 лет и старше — в нее входят в том числе представители четвертого возраста, и в этом смысле трудно определить наверняка, что больше влияет на восприятие старения — наличие занятости, возраст или все вместе (что вероятнее всего).

Старение как утрата здоровья

Ключевым параметром старения для почти всех информантов независимо от их пола, возраста и занятости является здоровье. Именно здоровье и физическая активность играют центральную роль в понимании старения как у работающих, так и у неработающих пожилых людей. Ухудшение здоровья приводит к снижению качества жизни. Само старение ассоциируется с утратой здоровья. При этом работающие пожилые люди больше внимания уделяют профилактике и сохранению активности через продолжение трудовой деятельности, с одной стороны, а с другой — для них достаточное здоровье является необходимым условием для продолжения занятости, то есть наблюдается взаимовлияние занятости и здоровья. Неработающие фокусируются на поддержании здоровья и активности в повседневной жизни, а самые старшие информанты рассматривают достаточное здоровье как источник самостоятельности и возможность к самообслуживанию. В отличие от более молодых, информанты старше 75 лет не воспринимают здоровье как комплексный феномен, например, они не склонны выделять отдельно ментальное и физическое здоровье. Тем не менее, рассуждая об утрате интереса к жизни, прежним занятиям, чувстве одиночества и т. п., они фактически рефлексируют о важности ментального состояния.

Многие информанты воспринимают хорошее здоровье как воплощение независимости, притом что страх стать зависимым от посторонней помощи артикулируется как самый важный. Соответственно, в оценках информантов старость медиакализирована — сопряжена с зависимостями и болезнями.

Пожилой человек, с моей точки зрения, это в какой-то степени уже немощный человек, который себя не может обслуживать, нуждается в чьей-то помощи физически в первую очередь. (Женщина, 60 лет, работает)

Признавая, что старение — естественный процесс, информанты (особенно женщины) размышляют над тем, как можно улучшить качество жизни в старшем возрасте, «отложить» старение. При этом они отмечают личную ответственность за здоровье и за «качество» старения.

Естественно, мы слабеем, мы уже не можем выполнять какие-то действия, что выполняли раньше. Но качество старения же разное. Одно дело — ты естественным образом старишься, просто активность немножко снижается. И другое дело, когда ты старишься с кучей болячек, которых мог бы избежать, если бы к себе более внимательнее относился. В основном это касается мужчин, они курят, они пьют, неправильно едят. А потом вдруг выясняется: ему всего 50—60 лет, он с огромным животом, с проблемами в сердце, с проблемами еще в чем-то. А кто виноват? (Женщина, 68 лет, не работает)

Все информанты без исключения отмечают, что прилагают усилия по поддержанию здорового образа жизни. Это физическая активность, стремление сбалансированно питаться, медицинские осмотры и прием поддерживающей терапии.

Старение в эпоху постмодерна

Меняющийся контекст и смена поколений наряду со сдвигом парадигмы восприятия старения и пожилых нашли свое отражение в интервью.

Мы спрашивали наших информантов, как они могут интерпретировать, что значит «отложенное старение» и возможно ли старение отложить в принципе. Отложенное старение для них — это сохранение активности, поддержка социальных связей, участие в общественной жизни, забота о здоровье, интеллектуальная деятельность, позитивное мышление, продолжение трудовой деятельности.

Примечательно, что информанты, рассуждая о старении, сами совершают экскурс в прошлое и сравнивают старение «тогда» и сейчас.

Вы знаете, вот мне 69 лет, почти 70, будем так говорить. Седьмой десяток подходит к концу. И я вспоминаю женщин в нашей деревне, где я родилась, в таком возрасте. Это просто бабушки были. И теперь же уже женщины в 60 лет, в 65 лет совершенно по-другому выглядят. Правда? (Женщина, 69 лет, не работает)

Здесь информантка делает акцент на внешнем виде. К нему относится не только одежда, но и косметологический уход за собой, прически, макияж и т.п.

Также в нарративах информантов мы можем видеть апелляции к более легким условиям современной жизни в сравнении с поколением их родителей и большим возможностями для развития.

Конечно, мы живем сейчас гораздо лучше, чем люди в этом возрасте жили 10—20 лет после войны, до войны, в России прежней. Да, конечно, у нас условия шикарные для жизни, нам никто не мешает развиваться и не стареть. Я не хочу стареть. (Женщина, 77 лет, работает)

Это хорошо иллюстрирует сдвиг парадигмы восприятия пожилого от немощного человека к активному и потребляющему, позволяющему себе стиль жизни, свойственный более молодому поколению. Во время интервью информанты показывают себя как разбирающихся в современных подходах к поддержанию здоровья. Многие используют гаджеты (шагомеры, аппараты для измерения давления и т. п.), по мере возможности пользуются в том числе платными медицинскими услугами.

Старение и семья / межпоколенные отношения

Многие информанты отмечают, что с возрастом их роль в семье трансформируется, это связано с появлением внуков и правнуку: «Наверное, пожилая все-таки. Есть уже правнук» (женщина, 78 лет, не работает). Это приносит как радость, так и новые обязанности, изменение характера заботы: «Мы действительно уже с мужем с внучкой стали много гулять. Было много обязанностей, мы возили ее

на всякие кружки, она у нас жила практически. У меня как бы началась другая жизнь. Но она интересная» (женщина, 75 лет, не работает).

Меж поколенные взаимодействия позитивно сказываются на самоощущении в пожилом возрасте.

Ты подтягиваешься, ты не хочешь быть старухой на фоне внуков, дружить с внуками направне, вместе ходить в кино, вместе смотреть телевизор, вместе готовить еду. Книжки, конечно, разные читаем. И молодое поколение, конечно, уже по времени другое, но в принципе теперь надо мне равняться на молодежь, чтобы не быть старухой. (Женщина, 77 лет, работает)

Информанты отмечают также изменения в отношениях с уже взрослыми собственными детьми — они становятся более равноправными. Многие отмечают, что дети начинают проявлять «обратную заботу» о них. С возрастом информанты берут на себя функцию хранения семейной истории и традиций, передачи жизненного опыта и семейных историй младшим поколениям. Выполнение семейных обязанностей особенно важно для женщин.

Наверное, все-таки, семья. Потому что в семье много обязанностей. И ты все время заботишься, хлопочешь. <...> И когда вот еще все в семье хорошо, нормально. Но когда плохо что-то в семье у кого-то, это тоже как-то стимулирует. Для меня семья. Для всех нас семья. Кто-то живет для себя, есть же такие женщины. Но я не знаю, счастливее они нас или нет. (Женщина, 64 года, не работает)

Старение влияет и на отношения между супружами: с возрастом усиливается их зависимость друг от друга в повседневной жизни. Изменяется также характер общения, некоторые информанты говорят, что оно становится более глубоким и значимым. Связывается старение и с потерей близких, что также приводит к изменению семейных ролей и необходимости адаптироваться к жизни без супруга/супруги. Несмотря на это, многие информанты подчеркивают важность сохранения определенной степени независимости. Почти все интервьюируемые артикулировали желание как можно дольше сохранять способность самостоятельно принимать решения и заботиться о себе. Многие ищут баланс между принятием помощи от семьи и сохранением личной автономии.

Таким образом, информанты видят тесную связь между процессом старения и изменением ролей в семье. Эти изменения воспринимаются как естественная часть жизненного цикла, хотя и требуют определенной адаптации. Многие стремятся сохранить активную роль в семье, несмотря на возрастные изменения, адаптируясь к новым обстоятельствам и находя новые способы быть полезными и значимыми для своих близких.

Обсуждение результатов

Наше исследование и полученные выводы позволяют вписать процессы старения современных россиян в более широкий контекст постмодернистских обществ. Мы можем наблюдать сдвиг парадигмы восприятия пожилого от немощ-

ного человека к активному и потребляющему, позволяющему себе жить стилями жизни более молодого поколения. При этом на российском материале опубликовано не так много исследований старения, а перспектива жизненного пути применительно к изучению старения редко используется отечественными авторами в эмпирических исследованиях. Исключениями служат работы последних лет. Например, в исследовании нормативных представлений о возрасте у россиян, во-первых, отмечается более низкая нормативность в младших возрастных группах, а во-вторых, сделан вывод, что границы жизненных этапов условны и носят в большей степени направляющий характер, нежели предписывающий, что дает возможность для индивидуального планирования жизненной траектории [Андреенкова, 2025]. Карина Макарова, изучая женские стратегии старения и восприятия возраста в контексте косметологии и физиологических изменений, показывает, что ее информантки не связывают старость с определенным возрастом, а воспринимают ее как гибкий и индивидуальный процесс [Макарова, 2024]. Схожие с нашими вопросы поднимает в своей работе Ольга Максимова, делающая вывод, что информанты, которых по возрасту можно назвать пожилыми или старыми, демонстрируют амбивалентное отношение к старению и старости: наделяя собственный этап жизни такими характеристиками, как «мудрость», «возможность самореализации», «опыт», они тем не менее демонстрируют потребность дистанцироваться от определений «старый» и «старение» ввиду их негативных коннотаций [Максимова, 2020].

Выводы нашего исследования согласуются с выводами Анны Андреенковой и Карины Макаровой в части множественности и вариативности сценариев старения, которые позволяет обнаружить перспектива жизненного пути. А в части амбивалентности в отношении к старению и стремлении дистанцирования от определений «старый» мы солидарны с выводами Ольги Максимовой. Однако при этом, помимо вариативности и амбивалентности в восприятии старения, мы выявили отчетливые различия в восприятии старения и роли занятости и здоровья у работающих и неработающих информантов. Возрастной критерий позволяет сделать важный вывод о процессуальности не только самого процесса старения, но и восприятия его и собственной идентичности. С возрастом происходит переоценка и значения старения, и собственной возрастной идентичности («мне 70, но я не ощущаю и не могу назвать себя старым») и они (ре)конструируются каждый раз заново, наполняясь новыми смыслами и значениями.

Если говорить о практической стороне исследования, то концепция жизненного пути имеет важное значение для выработки политики в области старения и шире — поддержания здорового образа жизни. Это обусловлено тем, что старение — непрерывный процесс, начинающийся с момента зачатия и продолжающийся до конца жизни. Многие факторы — питание, образ жизни, условия детства, образование, стрессовые события — влияют на здоровье в старости [Kuh et al., 2014]. Исследования жизненного пути показывают: то, как мы стареем, не предопределено. На процесс старения можно влиять, например, через физическую активность, здоровое питание, отказ от вредных привычек и поддержание социальных связей (см. например, [Berkman, Ertel, Glymour, 2011; Hendricks, 2012; Kuh et al., 2014]). Таким образом, ученые предлагают для политиков важ-

ную идею о непрерывности жизненного пути и того, что старость не является предопределенной данностью, а ее фундамент закладывается в молодости. Поскольку в развитых странах сильно влияние научных подходов на выработку политических мер, мы можем видеть, как теоретические подходы воплощаются в конкретных практических исследованиях и последующих мерах [Парфенова, Петухова, 2025]. На сегодняшний день в западных странах существуют большие междисциплинарные исследовательские проекты, в которых активно используется перспектива жизненного пути для исследования влияния различных факторов и сред на старение и качество жизни в старшем возрасте⁴.

Заключение

Можно выделить два уровня понимания старения. Информанты соглашаются с тем, что это неизбежный биологический процесс. Но при этом термины «старение», «старость», «пожилые» наделяются негативными характеристиками и признаками. Для наших информантов старение ассоциируется в первую очередь с утратой здоровья. Причем для третьего возраста это влечет необходимость отказаться от работы, а для четвертого означает утрату способности к самообслуживанию. У работающих и неработающих информантов нарративы о старении также различаются: работающие пожилые воспринимают старение как постепенный процесс, связанный с необходимостью сохранять активность и интерес к жизни, и часто считают занятость важным условием поддержания жизненного тонуса и перспектив. Неработающие пожилые склонны видеть старение более негативно, ассоциируя его с немощностью, зависимостью и потерей интереса к жизни, а выход на пенсию для них становится символической границей между «нестаростью» и старостью. Другой важный признак старости, помимо здоровья, — внешний вид. У пожилых он, по определению наших информантов, как правило, неопрятный/неряшливый, демонстрирующий равнодушие к уходу за собой. Наконец, третий признак старения — потеря интереса к жизни в целом, к прежним занятиям. При этом сами информанты независимо от возраста стараются максимально дистанцироваться от собственных дефиниций «пожилых», «старости». И только в случае, когда это не удается, они с грустью и сожалением могут констатировать наличие у себя этих признаков. На практике в процессе старения все сталкиваются с изменениями внутрисемейных ролей (выросшие дети и внуки, ушедшие из жизни супруги), и здесь на первый план выходит желание адаптироваться к новой роли себя как старшего в семье, получать позитивные эмоции от межпоколенных контактов и как можно дольше сохранять автономность и способность к самообслуживанию.

Старение процессуально, его интерпретации наряду с интерпретациями возраста и старости подвижны: они могут меняться в зависимости от возраста и изменений в разных сферах жизни. Старение вписано в современный контекст — доступ к технологиям, медицине и потребление на уровне людей среднего возраста

⁴ См., например, Harnessing Opportunities and Addressing Challenges of an Ageing World // University of Cambridge. URL: <https://www.cph.cam.ac.uk/research/life-course-and-ageing> (дата обращения: 19.08.2025); The Institute for Life Course & Aging // University of Toronto. URL: <https://aging.utoronto.ca> (дата обращения: 19.08.2025); Life Course Approach to Ageing // HelpAge International. URL: <https://www.helpage.org/what-we-do/society-for-all-ages/society-for-all-ages-campaigns/life-course-approach-to-ageing/> (дата обращения: 19.08.2025).

помогают людям старшего возраста «отложить» старение как в биологическом (сохранить здоровье), так и в социальном смысле.

Полученные выводы способствуют развитию культурной геронтологии и социологии возраста, подчеркивая взаимосвязь между индивидуальной активностью и структурными факторами в формировании восприятия старения и самоидентификации.

Список литературы (References)

1. Антонов А.И., Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 131—143. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11>.
Antonov A. I., Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. (2023) Threshold of Old Age: Objective Signs and Subjective Perception. *Population*. Vol. 26. No. 3. P. 131—143. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11>. (In Russ.)
2. Андреенкова А. В. Нормативность представлений о возрастных границах основных жизненных этапов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 3—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685>.
Andreenkova A. V. (2025) Normative Age Perceptions of Major Life Phases. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685>. (In Russ.)
3. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.:Питер, 2008.
Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
4. Богданова Е., Зеликова, Ю. Нормативность старшего возраста: выстраивая систему координат // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 13—21. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-13-21>.
Bogdanova E., Zelikova, J. (2020) Normativity of Old Age: Developing a Coordinate System. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 12. No. 2. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-13-21>. (In Russ.)
5. Григорьева И. А. (2022) Изменение подходов к старению и всплеск эйджизма во время пандемии COVID-19 и после // Клиническая геронтология. 2022. № 7—8. С. 80—84. <https://doi.org/10.26347/1607-2499202207-08080-084>.
Grigorieva I. A. (2022) Changing Approaches to Aging and the Surge of Ageism During the COVID-19 Pandemic and After. *Clinical Gerontology*. No. 7—8. P. 80—84. <https://doi.org/10.26347/1607-2499202207-08080-084>. (In Russ.)
6. Григорьева И. А., Парфенова О. А., Галкин К. А. Конференция «Продленная взросłość / отложенное старение во времена постковида и неопределенности» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 1. С. 256—260. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>.
Grigoryeva I. A., Parfenova O. A., Galkin K. A. (2023) Conference “Extended Adulthood / Delayed Ageing in a Time of Post-Covid and Uncertainty”. *The Journal*

- of Sociology and Social Anthropology.* Vol. 26. No. 1. P. 256—260. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>. (In Russ.)
7. Ежов О. Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 22—33.
Yezhov O. N. (2005) The Paradigm of the Life Path in Foreign Sociology. *The Journal of Sociology and Social Anthropology.* Vol. 8. No. 3. P. 22—33. (In Russ.)
8. Елютина М. Э. Концептуальная метафора старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 2. С. 231—248. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.10>.
Elyutina M. E. (2023) The Conceptual Metaphor of Old Age. *The Journal of Sociology and Social Anthropology.* Vol. 26. No. 2. P. 231—248. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.10>. (In Russ.)
9. Зеликова Ю. А. Конструирование старения: секс и интимность в пожилом возрасте// Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 125—140. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140>.
Zelikova Yu. A. (2018) Construction of Aging: Sex and Intimacy in Old Age. *Journal of Social Policy Studies.* Vol. 16. No. 1. P. 125—140. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140>. (In Russ.)
10. Зеликова Ю. «Чувствую себя просто бабушкой». Старение, эйджизм и сексизм в современной России // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. 2020. Т. 12. № 2. С. 124—145. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-124-145>.
Zelikova J. (2020) “I Can Only Perceive Myself as a Babushka”: Aging, Ageism, and Sexism in Contemporary Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research.* Vol. 12. No. 2. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-124-145>. (In Russ.)
11. Лаз Ш. (2019) Веди себя по возрасту! // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 146—179.
Laz Sh. (2019) Behave According to Your Age! *Sociology of Power.* Vol. 31. No. 1. P. 146—179. (In Russ.)
12. Левинсон А. Г. Институциональные рамки старости: старость как гендер // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 3. С. 52—81.
Levinson A. G. (2011) Institutional Framework of Old Age: Old Age as Gender. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions.* No. 3. P. 52—81. (In Russ.)
13. Макарова К. А. Перспектива жизненного пути в исследованиях старения: развитие теоретической концепции и способы работы с эмпирическими данными // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 3. С. 541—552. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-541-552>.
Makarova K. A. (2024) Life Course Perspective in Aging Research: Development of a Theoretical Concept and Methods of Working with Empirical Data. *Journal of Social Policy Studies.* Vol. 22. No. 3. P. 541—552. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-541-552>. (In Russ.)

14. Максимова О. Старость или «третий возраст»? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений // *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*. 2020. Т. 12. № 2. С. 22—44. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44>.
- Maximova O. (2020) Old Age or “Third Age”? Discourses of Individuals’ Subjective Perceptions of Their Own Age-Related Changes. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 12. No. 2, P. 22—44. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44>. (In Russ.)
15. Парфенова О.А., Петухова И.С. Размывание возрастных границ и нормативности старения: обзор основных теоретических подходов // *Интеракция. Интерпретация. Интервью*. Интерпретация. Том 17. № 2. С. 11—34. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.1>.
- Parfenova O. A., Petukhova I. S. (2025) Blurring Age Boundaries and Normativity of Aging: A Review of Key Theoretical Approaches. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 2. P. 11—34. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.1>. (In Russ.)
16. Петухова И. С. Экспертные дискурсы о возрасте и социальном статусе пожилых // *Журнал исследований социальной политики*. 2025. Т. 23. № 1. С. 25—42. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2025-23-1-25-42>.
- Petukhova I. S. (2025) Expert Discourses on Age and Social Status of the Elderly. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 23. No. 1. P. 25—42. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2025-23-1-25-42>. (In Russ.)
17. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // *Социологический журнал*. 2012. № . 4. С. 62—93.
- Rogozin D. M. (2012) Liberalization of Aging, or Work, Knowledge and Health in Old Age. *Sociological Journal*. No. 4. P. 62—93. (In Russ.)
18. Рогозин Д. М. Что делать со стареющим телом? // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. Т. 21. № 2. С. 133—164. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.5>.
- Rogozin D. (2018) What Do We Have to Do with an Ageing Body? *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 21. No. 2. P. 133—164. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.5>. (In Russ.)
19. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. 2016. Сер. 12. Вып. 3. С. 4—19. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301>.
- Tykanova E. V., Khokhlova A. M. (2016) Key Concepts and Approaches in Sociological Life Course Studies. *Vestnik SPbSU. Series 12. Sociology*. No. 3. P. 4—19. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301>. (In Russ.)
20. Шмерлина И. А. Молодость forever, или особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // Стариким тут место: социальное осмысление старения / под ред. Д. М. Рогозина и А. А. Ипатовой. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 156—182.

- Shmerlina I. A. (2016) Youth Forever, or Features of Age Self-Identification in Old Age. In: Rogozin D. M., Ipatova A. A. (eds.) *There Is a Place for Old People: Social Understanding of Aging*. Moscow: Institute of Sociology of the RAS. P. 156—182. (In Russ.)
21. Abrams D., Hogg M. A. (2006) Social Identifications: A Social Psychology of Inter-group Relations and Group Processes. London: Routledge.
22. Ainsworth S., Hardy C. (2007) The Construction of the Older Worker: Privilege, Paradox and Policy. *Discourse & Communication*. Vol. 1. No. 3. P. 267—285. <https://doi.org/10.1177/1750481307079205>.
23. Barrett A. E., Gumber C. (2020) Feeling Old, Body and Soul: The Effect of Aging Body Reminders on Age Identity. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 75. No. 3. P. 625—629. <https://doi.org/10.1093/geronb/gby085>.
24. Berkman L. F., Ertel K. A., Glymour M. M. (2011) Aging and Social Intervention: Life Course Perspectives. In: Binstock R H. et al. (eds.) *Handbook of Aging and the Social Sciences*. San Diego: Academic. P. 337—351. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-088388-2.X5000-7>.
25. Blossfeld H-P., Skopek J., Triventi M., Buchholz S. (eds.) (2015) Gender, Education and Employment. An International Comparison of School-to-Work Transitions. Northampton: Edward Elgar Publishing.
26. Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*. Vol. 3. No. 2. P. 77—101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>.
27. Bullington J. (2006) Body and Self: A Phenomenological Study on the Aging Body and Identity. *Med Humanit.* Vol. 32. No. 1. P. 25—31. <https://doi.org/10.1136/jmh.2004.000200>.
28. Carr D. (2016) The Stories of Our Lives: Aging and Narrative. In: Scarre G. (ed.) *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Aging*. London: Palgrave Macmillan. P. 171—185.
29. Chonody J. M., Teater B. (2016) Why do I Dread Looking Old?: A Test of Social Identity Theory, Terror Management Theory, and the Double Standard of Aging. *Journal of Women & Aging*. Vol. 28. No. 2. P. 112—126. <https://doi.org/10.1080/08952841.2014.950533>.
30. Crockett L. J. (2002) Agency in the Life Course: Concepts and Processes. In: Dienstbier R., Crockett L. (eds.) *Agency, Motivation, and the Life Course: Vol. 48 of the Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press. P. 1—31. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1355&context=psychfacpub> (дата обращения: 20.08.2025).
31. Eckert P. (2017) Age as a Sociolinguistic Variable. In: Coulmas F. (ed.) *The Handbook of Sociolinguistics*. P. 151—167. <https://doi.org/10.1002/9781405166256.ch9>. Blackwell.

32. Elder G. (1994) Time, Human Agency and Social Change: Perspective on the Life Course. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 57. No. 1. P. 4—15.
33. Elder G. H. Jr. (1975) Age Differentiation and the Life Course. *Annual Review of Sociology*. No. 1. P. 165—190.
34. Fealy G., McNamara M., Treacy M. P. (2009) Constructing Ageing and Age Identity: A Case Study of Newspaper Discourses. Dublin: National Centre for the Protection of Older People.
35. George L. K., Mutran E. J., Pennypacker M. R. (1980) The Meaning and Measurement of Age Identity. *Experimental Aging Research*. No. 6. P. 283—298.
36. Giele J. Z., Elder G. H. Jr. (eds.) (1998) Methods of life Course Research: Qualitative and Quantitative Approaches. Thousand Oaks, CA: Sage.
37. Gillear C., Higgs P. (2010) Aging Without Agency: Theorizing the Fourth Age. *Aging & Mental Health*. Vol. 14. No. 2. P. 121—128. <https://doi.org/10.1080/13607860903228762>.
38. Gillear C., Higgs P. (2014) Ageing, Corporeality and Embodiment. London: Anthem Press.
39. Gillear C., Higgs P. (2020) Social Divisions and Later Life: Difference, Diversity and Inequality. Bristol: Policy Press.
40. Gillear C. (2022) Age, Subjectivity and the Concept of Subjective Age: A Critique. *Journal of Aging Studies*. Vol. 60. Art. 101001. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2022.101001>.
41. Goffman E. (1963) Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York, NY: Prentice-Hall.
42. Heikkinen R. L. (2000) Ageing in an Autobiographical Context. *Ageing & Society*. Vol. 20. No. 4. P. 467—483. <https://doi.org/10.1017/S0144686X99007795>.
43. Hendricks J. (2012) Considering Life Course Concepts. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 67. No. 2. P. 226—231. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr147>.
44. Henretta J. (2003) The Life-Course Perspective on Work and Retirement. In: Settersten R. (ed.) *Invitation to the Life Course: Toward New Understandings of Later Life*. Amityville: Baywood. P. 85—105.
45. Hughes M. L., Geraci L., De Forrest R. L. (2013) Aging 5 Years in 5 Minutes: The Effect of Taking a Memory Test on Older Adults' Subjective Age. *Psychological Science*. Vol. 24. No. 12. P. 2481—2488. <https://doi.org/10.1177/0956797613494853>.
46. Kaufman G., Elder Jr G. H. (2002) Revisiting Age Identity: A Research Note. *Journal of Aging Studies*. Vol. 16. No. 2. P. 169—176. [https://doi.org/10.1016/S0890-4065\(02\)00042-7](https://doi.org/10.1016/S0890-4065(02)00042-7).

47. Kuh D., Cooper R., Hardy R., Richards M., Ben-Shlomo Y. (eds.) (2014) *A Life Course Approach to Healthy Ageing*. Oxford University Press.
48. Kohli M. (2007) The Institutionalization of the Life Course: Looking Back to Looking Ahead. *Research in Human Development*. No. 4. P. 253—271. <https://doi.org/10.1080/15427600701663122>.
49. Kotter-Grühn D., Kornadt A. E., Stephan Y. (2015) Looking Beyond Chronological Age: Current Knowledge and Future Directions in the Study of Subjective Age. *Gerontology*. Vol. 62. No. 1. P. 86—93. <https://doi.org/10.1159/000438671>.
50. Lloyd L., Calnan M., Cameron A., Seymour J., Smith R. (2014) Identity in the Fourth Age: Perseverance, Adaptation and Maintaining Dignity. *Ageing & Society*. Vol. 34. No. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.1017/S0144686X12000761>.
51. Lyberaki A., Tinios P., Papadoudis G. (2013) Retrospective Explanation of Older Women's Lifetime Work Involvement: Individual Paths Around Social Norms. *Advances in Life Course Research*. Vol. 18. No. 1. P. 26—45. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2012.10.002>.
52. Marini M. M. (1984) Age and Sequencing Norms in the Transition to Adulthood. *Social Forces*. Vol. 63. No. 1. P. 229—243.
53. Marshall V. W., Mueller M. M. (2003) Theoretical Roots of the Life-Course Perspective. In: Heinz W. R., Marshall V. W. (eds.) *Social Dynamics of the Life Course*. New York, NY: Aldine de Gruyter. P. 3—32.
54. McMullin J. A., Marshall V. W. (1999) Structure and Agency in the Retirement Process: A Case Study of Montreal Garment Workers. In: Ryff C., Marshall V. W. (eds.) *Self and Society in Aging*. P. 305—338. New York, NY: Springer.
55. Montepare J. M. (2009) Subjective Age: Toward a Guiding Lifespan Framework. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 33. No. 1. P. 42—46. <https://doi.org/10.1177/0165025408095551>.
56. Nash K. (2001) 'The 'Cultural Turn' in Social Theory: Towards a Theory of Cultural Politics. *Sociology*. Vol. 35. No. 1. P. 77—92. <https://doi.org/10.1017/S0038038501000050>.
57. Rosenthal E. C. (2006) The Era of Choice: The Ability to Choose and its Transformation of Contemporary Life. Cambridge, MA: MIT Press.
58. Settersten R. A. (2003) Propositions and Controversies in Life-Course Scholarship. In: Settersten R. A. (ed.) *Invitation to the Life Course. Towards New Understandings of Later Life*. New York, NY: Baywood. P. 15—48.
59. Settersten R. A. (2018) *Invitation to the Life Course*. New York, NY: Routledge.
60. Stets J. E., Burke P. J. (2000) Identity Theory and Social Identity Theory. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 63. No. 3. P. 224—237. <https://doi.org/10.2307/2695870>.

61. Stets J. E., Burke P. J. (2003) A Sociological Approach to Self and Identity. In: Leary M. R., Tangney J. P. (eds.) *Handbook of Self and Identity*. New York, NY: The Guilford Press. P. 128—152.
62. Twigg J., Martin W. (ed.) (2015) Routledge Handbook of Cultural Gerontology. London: Routledge.
63. Weiss D. (2014) What Will Remain When We are Gone? Finitude and Generation Identity in the Second Half of Life. *Psychology and Aging*. Vol. 29. No. 3. P. 554—562. <https://doi.org/10.1037/a0036728>.
64. Weiss D., Lang F. R. (2012) “They” are Old but “I” feel Younger: Age-Group Dissociation as a Self-Protective Strategy in Old Age. *Psychology and Aging*. Vol. 27. No. 1. P. 153—163. <https://doi.org/10.1037/a0024887>.

Приложение

Таблица 1. Список информантов

№	Пол, возраст	Место проживания (город или поселок)	Статус занятости	Образование
1	ж, 86	город	Не работает	высшее
2	ж, 78	город	Не работает	высшее
3	ж, 69	поселок	Не работает	среднее профессиональное
4	ж, 64	поселок	Не работает	среднее профессиональное
5	ж, 60	поселок	Не работает	среднее профессиональное
6	ж, 71	поселок	Не работает	высшее
7	ж, 64	поселок	Не работает	среднее профессиональное
8	ж, 77	город	Не работает	среднее профессиональное
9	ж, 81	город	Не работает	среднее профессиональное
10	м, 83	город	Не работает	высшее
11	ж, 69	город	Не работает	высшее
12	ж, 67	город	Не работает	высшее
13	ж, 74	город	Не работает	среднее профессиональное
14	ж, 64	город	Не работает	неоконченное высшее
15	м, 83	город	Не работает	высшее
16	м, 89	город	Не работает	высшее
17	ж, 60	поселок	работает	высшее
18	ж, 62	город	работает	высшее
19	м, 62	город	работает	высшее
20	ж, 63	город	работает	высшее
21	м, 77	город	работает	высшее
22	ж, 63	город	работает	высшее

№	Пол, возраст	Место проживания (город или поселок)	Статус занятости	Образование
23	м, 69	город	работает	высшее
24	ж, 65	город	работает	высшее
25	м, 79	город	работает	высшее
26	м, 76	город	работает	высшее
27	ж, 65	город	работает	высшее
28	м, 82	город	работает	высшее
29	ж, 76	город	работает	высшее
30	ж, 77	город	работает	высшее
31	ж, 65	город	работает	высшее